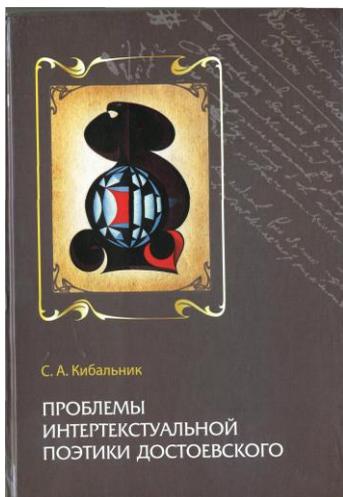

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ

«ОТ НЕАПОЛЯ ДО ГРАНАДЫ...»

Беседу с С.А. Кибальником ведет Г.П. Козубовская

Сергей Акимович Кибальник – ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом), профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Международного общества Ф.М.Достоевского, член Союза писателей России

Как Вы стали филологом? Вы первый филолог в роду?

Вообще-то в детстве я, как и многие в то время, мечтал стать писателем. И теперь, как Вы знаете, Галина Петровна, стал и им (кстати сказать, сейчас готовится к изданию вторая часть моего романа-травелога «Путешествия Андрея Легионерова», с первой частью которого Вы знакомы. Она называется «В поле Гринхиллии, или Хэндзё и ориентальные искушения»). Но в наше время,

перефразируя известное изречение Горького, можно сказать, что писатель – это звучит стрёмно (по крайней мере, если он только писатель; и, слава Богу, что эти времена в какой-то мере заканчиваются). И вот, может быть, предчувствуя наступление нашего прекрасного далека, когда филология нужнее и престижнее литературы, я решил поступать на филфак ЛГУ.

Среди моих родных и близких никаких филологов никогда замечено не было. Но мой дядя, брат моей матери Евгений Минаевич Ворожейкин был профессором МГУ. Правда, на юридическом факультете. Кстати, это и было причиной того, что я поехал в Ленинград, а не в Москву: хотелось всего-всего добиться самому, без посторонней помощи. Вот такой жертвой советской идеологии я был в юности. Не все в этой идеологии было плохо – жаль только, что, как всегда, те, кто ее распространяли, не слишком сами в нее верили...

Школа Пушкинского Дома. Насколько она важна для Вас?

Для меня вначале была очень важна школа ЛГУ (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). Когда я учился, там преподавали такие «зубры», как Д.Е. Максимов, Г.А. Бялый, И.Г. Ямпольский, В.Е. Холшевников, Г.П. Макогоненко. Уже на первом курсе я написал курсовую по пушкинской «Марье Шонинг» в спецсеминаре последнего – что вообще-то учебным планом не предполагалось (спецсеминар был с третьего курса). А потом еще занимался гончаровским смехом в спецсеминаре, слава Богу, здравствующего и преподающего ныне В.М. Марковича. Ну а потом я познакомился с несколькими замечательными специалистами из Пушкинского Дома – А.М. Панченко, И.П. Смирновым, Н.Д. Кочетковой – и начал по совету А.М. Панченко заниматься русскими риториками XVIII века. И дипломную работу писал уже под руководством Н.Д. Кочетковой – она тогда начала вместо И.З. Сермана преподавать XVIII век на филфаке ЛГУ. Так что, как видите, школа Пушкинского Дома в известной степени началась для меня еще в Ленинградском университете.

И она была (и остается, конечно) важна для меня в высшей степени. Не так давно я, кстати, написал о ней специально. В сборнике «А.М. Панченко и русская культура», который мы подготовили вместе с сыном ученого Александром Панченко, есть моя статья «А.М.

Панченко и петербургская школа “феноменологии культуры”» (СПб.: Пушкинский Дом, 2008). В ней я доказываю, что, в Питере лучшими учеными исповедуется не теория, а «феноменология литературы». При таком подходе посредством детального историко-литературного изучения того или иного явления истории литературы происходит как бы вживание исследователя в него и создается своего рода его «слепок», теоретическая модель которого впоследствии описывается. Ну, и для меня была важна также школа пушкинодомской компаративистики. Мои научным руководителем по кандидатской диссертации был замечательный специалист по франко-русским литературным связям П.Р. Заборов, ученик Б.Г. Реизова и М.П. Алексеева. А называлась она «Русская антологическая поэзия первой трети XIX века» и была посвящена рецепции Греческой Антологии в России. На филфаке я, как и все студенты, изучал латынь, а потом еще добровольно занимался латинским и греческим в семинаре замечательного эллиниста А.К. Гаврилова. А французский, который тоже был нужен для изучения этой темы, выучил уже в аспирантуре – на кафедре иностранных языков РАН, где занимался им пять лет.

Ваш неожиданный «уход» от Пушкина случаен или закономерен?

Иногда по этому поводу я шучу, что пушкинисты, как и генералы, бывшими не бывают. В какой-то мере это действительно так. Вот в прошлом году вышла моя книга «Античность в русской поэзии. XVIII – первая треть XIX века» (СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 415 с.) – можно сказать, итог тридцатилетних занятий этой темой. В нее вошли моя первая книга («Русская антологическая поэзия первой трети XIX века») и больше десятка статей. В этом году я готовлю к изданию сборник моих статей «Пушкин: лики и “отраженья”», а на следующий, даст Бог, подготовлю расширенное издание моей книжки 1998 года «Художественная философия Пушкина». Возвращаться к Пушкину вынуждают разные причины: с годами начинаешь больше в нем видеть и понимать его творчество как целое, а иногда появляются новые работы, в которых предлагаются новые решения проблем, о которых я писал (к сожалению, не всегда достаточно хорошо обоснованные).

Что касается моего «неожиданного», как Вы сказали, ухода от Пушкина, то вызван он был, казалось бы, внешними причинами. В середине 1990-х годов я надолго уехал преподавать за границу, а потом не смог второй раз войти в одну и ту же воду. Но теперь я думаю, что по-своему этот уход был закономерен. Перефразируя фразу из одного известного советского кинофильма «Нельзя всю жизнь прожить у озера», скажу, что всю жизнь прозаниматься только Пушкиным, конечно, можно, но толку от этого будет немного. Недаром же все самые лучшие пушкинисты – Тынянов, Томашевский, Лотман и многие другие – занимались далеко не только Пушкиным. Дело в том, что классические явления литературы можно понять и аналитически описать только на сравнительном фоне дальнейшего движения литературы. Для меня странно заниматься Пушкиным, Достоевским или Толстым и никогда не заглядывать в то, что стало с русской литературой в последующие эпохи. Тем более что многие из течений этой литературы: модернизм и даже постмодернизм – в своем роде лишь различные способы по-настоящему творческой реакции на классику. Может быть, мои книги о Константине Вагинове (Труды и дни Константина Вагинова. Документальная биография писателя // www.rfh.ru/downloads/Books/124493014.pdf), Гайто Газданове (Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 410 с.), Викторе Пелевине (Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: ИД «Петрополис», 2008; в соавторстве с О.В.Богдановой и Л.В.Сафроновой), - в какой-то мере продиктованы именно этим.

Почему от Пушкина к Достоевскому? Ведь у обычного человека все как раз наоборот: от Достоевского к Пушкину.

Ну, как Вы уже знаете, на самом деле это было не от Пушкина к Достоевскому. На самом деле как раз вначале я «дезертировал» в XX век и первое время, когда начал участвовать в конференциях по творчеству последнего, то делал доклады о рецепции его у Гайто Газданова, Сергея Заяицкого и других блестящих прозаиков первой половины теперь уже прошлого столетия. И в какой-то момент почувствовал, что писатели XX века дали мне, пользуясь выражением Шестова, изобретенным им применительно к Достоевскому, «второе зрение». И я стал видеть в нем кое-что такое, чего не заметили другие

его исследователи. Книга, которая только что вышла, – «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» (СПб.: ИД «Петрополис», 2014. 431 с.) – сложилась как раз из моих многочисленных докладов на конференциях, которые я, впрочем, делал, хотя и на материале разных произведений, но которые рассматривал под одним углом зрения.

Как долго Вы работали над книгой? Как возник замысел? Что связано с ней в Вашей биографии?

По сравнению со многими другими моими книгами эта была написана сравнительно быстро, лет за пять. Все-таки опыт (а я как-никак автор уже более трехсот статей) и возможности, которые дает современная ортехника, помогают. Книга сложилась из «медленного» чтения произведений Достоевского 1850-1860-х годов, которые изучены меньше, чем так называемое «великое пятикнижие». Между тем «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково» – это тоже гениальные вещи, которые, кстати сказать, представляют нам совсем другого Достоевского – Достоевского как блестящего комического писателя. Он таким, кстати, оставался и в своем «пятикнижии» – даже в «Братьях Карамазовых», в которых мы от души хохочем, как только на сцене появляются госпожа Хохлакова или Федор Павлович Карамазов. Но в этих более ранних произведениях Достоевского его комический гений – гений стилизатора и пародиста – предстает перед нами, так сказать, в чистом виде.

Достоевистика советского времени все же была слишком сосредоточена на вопросах идеологии – и в целом содержания творчества Достоевского. По сравнению с русской наукой 1920-1930-х годов (В. Комаровичем, А. Бемом и многими другими) был сделан громадный шаг назад в смысле внимания собственно к тексту литературного произведения. И вот когда я стал внимательно читать «Записки из Мертвого дома» и «Записки из подполья», «Евгению Гранде» в переводе Достоевского и «Игрока», я заметил, что все эти произведения глубоко диалогичны по отношению ко многим другим русским и западно-европейским писателям: причем не только по отношению к Пушкину, Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Бальзаку и Диккенсу, Шиллеру и А.Прево, но и к Тургеневу, Толстому, Гончарову, А.Дюма-сыну, Теккерею и др. А также диалогичны по

отношению к европейской философии: не только к Ш.Фурье и А.Сен-Симону, но и к Э.Кабе, М.Штирнеру, Л.Фейербаху.

Между прочим, именно «Единственный и его собственность» Макса Штирнера, написанный как бы в ответ на «Сущность религии» Людвига Фейербаха, составляют основной философский подтекст большинства романов великого «пятикнижия». И в «Преступлении и наказании», и в «Бесах», и в «Братьях Карамазовых», и в «Дневнике писателя» все время разыгрывается один и тот же мотив: «Если Бога нет, то все дозволено». Однако именно Фейербах впервые философски обосновал, что Бога нет, а Штирнер в ответ на это объявил «Богом» не человека вообще, а себя самого. И в этом отношении записки «подпольного парадоксалиста» это в значительной мере отзвук философских парадоксов Штирнера, которые, впрочем, в отличие от книги немецкого анархиста, не столько апологетизируются, сколько ставятся под сомнение.

Этот внутренний диалог писателя с его предшественниками и современниками в литературе и мысли не внеположен по отношению к основному смыслу произведений Достоевского. Напротив, этот смысл может быть понят в полной мере, только если будет считан этот внутренний диалог. В особенности это стало для меня очевидным, когда я писал главы, посвященные роману Достоевского «Игрок». Они написаны на основе историко-литературного комментария к этому роману, который я подготовил для нового академического издания «Полного собрания сочинений» Достоевского, то есть на основе скрупулезного изучения интертекстуальных связей всего этого произведения – своего рода его «интертекстуального паспорта», который, я считаю, должен быть составлен для каждого произведения русской классики. Причем это должен быть не просто список, а картина того, как те или иные интертекстуальные связи то актуализируются, то нейтрализуются в литературном произведении с помощью специальных словесных маркеров – все время с конкретными целями, направленными на реализацию общего художественного замысла писателя.

На всякий случай скажу, что 10 июня в 18.00 в Доме А.Ф. Лосева на Арбате состоится встреча с Вашим покорным слугой на тему «Достоевский и европейская философия» – своего рода презентация моей книги. На сайте Дома Лосева будет доступна

видеозапись этой встречи. Так что я могу пригласить на нее всех желающих, независимо от того, где они живут.

Вы, действительно, убеждены в продуктивности интертекстуального подхода?

Я уже почти ответил на этот Ваш вопрос. И только хотел бы сделать некоторые необходимые оговорки. Попытка создать теорию интертекста как универсальную философскую теорию текста, предпринятая в 1970-х годах Р. Бартом и Ю. Кристева, действительно не удалась. Однако интертекстуальная поэтика – сегодня уже вполне сложившаяся дисциплина. Недаром интертекстуальной поэтике русской литературы в последние годы были посвящены многие интересные исследования (назову, в частности, книгу Ренате Лахманн «Память и литература: Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX вв.». СПб., 2011). Думаю, что именно в рамках интертекстуальной поэтики и ее модификаций можно ждать новых интересных работ синтетического плана, которые позволили бы построить для начала своего рода интертекстологию и морфологию русской классики. Ведь герои русского классического романа, например, это ведь, как правило, типы западно-европейской литературы, помещенные в русскую среду и увиденные глазами русского писателя.

Уровень науки о Достоевском сейчас по-настоящему высок?

Не думаю, что изучение тех или иных русских писателей намного отличается по уровню от общего уровня изучения русской литературы. Да, впрочем, ведь и никакого общего уровня нет. Хотя, конечно же, Достоевский привлек к себе внимание многих замечательных ученых нашего времени – причем, далеко не только филологов. И благодаря деятельности Российского и Международного обществ Достоевского, которые проводят несколько ежегодных конференций и один в три года Международный Симпозиум (а есть еще проводимый также раз в три года симпозиум возглавляемого И.Л. Волгиным Фонда Достоевского «Русская словесность в мировом

литературном контексте»), творчество этого русского писателя изучается особенно интенсивно.

И сейчас о Достоевском пишут такие известные его российские исследователи, как нынешний президент Международного общества Достоевского В.Н. Захаров, президент Российского общества Б.Н. Тихомиров, В.Е. Ветловская, К.А. Степанян, Т.А. Касаткина, Л.И. Сараскина, В.А. Викторovich, И.Л. Волгин. А есть еще А.Г. Гачева, О.А. Богданова, А.Б. Криницын, С.С. Шаулов, Н.А. Тарасова, Т.Б. Трофимова и множество других интересно работающих исследователей (в Барнауле, например, это прежде всего, как Вы знаете, В.И. Габдуллина и Р.Н. Семькина). В Пушкинском Доме есть Группа Достоевского, которая под руководством В.Е. Багно и В.Д. Рака ведет работу по подготовке нового академического издания «Полного собрания сочинений» Достоевского, два первых тома которого только что вышли.

Однако убежден, что уровень достоевсковедения, как и вообще уровень изучения русской классики страдает – и «первый каюсь я» – от того, что большинство исследователей имеет недостаточное представление о дальнейшем развитии литературы – в XX и даже в XXI веке.

Вы участник многих конференций за рубежом. Кто, по-вашему, сейчас достоевед № 1?

На этот вопрос, как ни странно ответить просто. Как раз совсем недавно, в марте этого года, я принял участие в конференции “DOSTOEVSKY AND NON-LITERARY DISCOURSES: SCIENCE, PHILOSOPHY, AESTHETICS”, которая прошла в Brown University (Провиденс, США). И вот на ней было совершенно очевидно, что достоеведом № 1 за рубежом по-прежнему остается Роберт Л. Джексон. Несмотря на свой преклонный возраст, он выступал с докладом, вел заседание и активно участвовал в обсуждении. К сожалению, до сих пор только одна его книга переведена на русский язык («Искусство Достоевского. Бреды и ноكتورны». М., 1998). И поэтому многие из его работ остаются вне поля зрения российских исследователей.

Не могу не упомянуть, впрочем, и другого замечательного американского исследователя – Роберта Белнэпа, который, к

сожалению, скончался как раз в дни, когда проходила эта конференция. Его книга «Структура “Братьев Карамазовых”» – это уже классика дostoевсковедения. А это был еще и удивительно яркий человек, общение с которым не забывается.

Раз уж я заговорил об утратах, то не могу не упомянуть в связи с этим еще одну серьезную потерю. Буквально на днях, 28 апреля от нас ушла Галина Яковлевна Галаган. И после этой смерти «осиротели» не только Толстой и Достоевский, но и журнал «Русская литература», а также многие знавшие ее коллеги по Пушкинскому Дому и по филологии вообще.

Разумеется, за рубежом по-прежнему немало очень хороших исследователей Достоевского. Особенно в США и Канаде, где работают Дебора Мартинсен, Вильям Годд, Кэрол Аполлонио, Донна Орвин, Светлана Евдокимова, Евгения Черкасова и многие другие. Но яркие, интересные и активно работающие дostoеведы есть во многих странах. В Италии, например, это Стефано Алоэ и Алессандра Визиони, в Японии Тэцуо Мотидзуки и Такаёши Шимидзу, в Венгрии Каталин Кроо и Агнес Даккон. Я называю лишь отдельных исследователей, доклады которых на двух последних международных симпозиумах, которые проходили в Неаполе (2010 г.) и в Москве (2013 г.), произвели на меня сильное впечатление. Интерес к Достоевскому повсюду высок как ни к какому другому русскому писателю. Разве что Чехов может соперничать с ним в этом отношении.

Кстати, вместе с одним из французских дostoевсковедов Филиппом Торрансом мы в настоящее время готовим параллельное комментированное издание «Евгений Гранде» в переводе Достоевского и французского текста Бальзака, которым пользовался русский писатель, с типографским выделением всех отступлений Достоевского от оригинала.

На каких конференциях царит «дух Достоевского»?

Нет, наверное, ни одной, на которой он бы совсем не витал в воздухе. Во всяком случае о ежегодных конференциях в Музее-квартире Достоевского в Санкт-Петербурге и в Доме-Музее в Старой Руссе это можно сказать определенно. Но, конечно же, на каждой конференции есть ряд докладов, в течение которых этот дух если и

присутствует, то, наверное, скорее возмущен происходящим. К сожалению, общие недостатки современной русистики: недостаточное владение литературой вопроса, постановка тривиальных тем, результаты рассмотрения которых очевидны еще до начала этого рассмотрения, забвение в ходе анализа вопроса о смысле литературного произведения, сосредоточенность на отдельных сопоставлениях без учета остальных претекстов, игнорирование философского контекста литературы – разумеется, присущи и работам, посвященным Достоевскому. Программы ежегодных конференций по Достоевскому формируют милейшие дамы: Н.В. Чернова и Н.А. Костина. И им, возможно, не хватает жесткости, чтобы отсекал те доклады, тезисы которых явно демонстрируют наличие подобных недостатков. Впрочем, они, наверное, опасаются отпугнуть новых и прежде всего молодых исследователей. Но зато без их энергии и организаторского таланта никаких конференций и вовсе, быть может, не было бы.

Кстати, следующий международный симпозиум по творчеству Достоевского пройдет в 2016 году в Андалусии, в Гранаде, где находятся знаменитые сады Альгамбры. Присоединяйтесь к международному обществу и приезжайте в Гранаду, Галина Петровна, – ведь Вы же всю жизнь занимаетесь XIX веком и писали, в том числе, и о Достоевском.

Гранада – настоящая жемчужина Андалусии. За последние два года мне пришлось два раза побывать в этом городе (я был участником международного проекта, который выполнялся рядом испанских и российских филологов на базе Гранадского университета), и могу сказать, что заниматься русской литературой и так никогда не посетить Мавританию, не услышать шум Гвадалквивира, не забраться вверх по лестнице Севильского кафедрального собора, не побродить по располагающемуся по соседству кварталу, где родился Дон-Жуан и жила Донья Анна, совершенно непростительно! Лучше один раз увидеть, чем сотни раз услышать – это остается верным и относительно европейского локуса многих произведений русской литературы.

Огромное спасибо, Сергей Акимович, за интересную беседу, за преданность русской литературе, за приглашение.

Здоровья Вам, счастливых «творческих снов», удачных и интересных поездок, успехов во всем!